

Николай ВОРОНОВ

Истина о самом себе

> О подмосковном Переделкине, Магнитке, Калуге, Оптиной пустыни, Москве и о тех, кто был оклеветан

Продолжение. Начало в № 55, 58, 61, 63, 66, 69, 72, 75, 78, 81, 84, 89, 92, 96, 99, 104, 108, 113, 117, 125, 134, 137, 140, 145, 148, 151, 154, 157, 160, 164, 166 (2010 г.), 7, 10, 13, 16, 19, 21, 24, 27, 30, 36, 39, 43, 46, 50, 53.

Литература чести

«Увидел бы тебя и поговорил бы с тобой с превеликой радостью. Может, ближе к осени и встретимся – в Рязани ли, в Калуге?»

Сына-то моего, Ивана (просто Ивана!) надо ж посмотреть! Хорош парнище, и вообще пара, что надо, – Иван да Марья...

Кланяюсь (и Ляля со мной!) Тане, Ирине, Антону, – добра вашему дому и радости. Обнимаю, Э. Сафонов. 3 авг. 69 г. »

Письмо поэта, критика, эссеиста, мыслителя Александра Карповича Ливанова:

«Дорогой Николай Павлович!

Вы дали мне повод вернуться к машинке. Телефон экономит время, но не продлевает чувство. [...] Литература чести – сказано у вас! Как долго проходимцы и выжиги старались удерживать ее в загоне бесчестия! Как мучительно она рушит этот загон, чтобы снова выйти на волю! Уже два этих слова художника – не просто драгоценность, ценность образа. Спасибо!

Еще раз просматриваю «САМ» (роман-фантазию «САМ». – Н. В.) и вижу, сколько доброго раньше не заметил, глубин обошел, высот не взял, скажем, искренне пожалел, что не процитировал почти всю последнюю страницу – здесь одна из философских кульминаций, развязок. Вы по природе – ученый, систематизатор, уточняющий и приводящий в порядок, в систему любые знания! И по счастью, такой тип ученого – не современные «специалисты» – поставлен на основу природной художественности! Ваш космос, ваша поэзия – земные, это особый интеллектуальный лиризм. Когда-то он у нас уже был, к нему, уверен, вернутся... Не в этом ли залог окончательной победы литературы чести? И я горжусь тем, что все написанное вами – именно такая литература – редкостное свойство дарования, учтя то, что начали вы еще при «культе личности», когда и классики наши нет-нет, да вносили фальшивый звук в шаманский вой и эйфорию-истерию, где боль силмась стать радостью, безнадежность – упованием, жестокость – милостью и спасением...

Может случиться, что в нынешней суе, эгоизме, скудности роман все же заметят «товарищи старшие», и он будет переведен на все или хотя бы на многие языки мира! Ведь в нем вы еще в 60-х начали роман? – нынешняя доктрина – спасение: про неизбежность общечеловеческого дома высокодуховной совести.

[...] Сердце – «его субстанция плоти» – напоминает мне: пора глотать нитрон, эринит, мезопам и пр. (сие – старательная дань вашей точной учености!).

Еще раз мои вам поздравления... Веками мудрецы уговаривали нас, что жить надо трудно. Что ж, нам с вами на недостаток трудностей не приходится сетовать. Кланяйтесь от меня всем!

Литература чести... Страшно, захватывающе, упоющее это... 28. 1. 89. Москва. А. К. Ливанов.

P. S.-1. Послушайте, ведь это не что иное, как новая ступенька, оплаченная веком мук и жертв конкретизация Достоевского – его: мир красотой спасется! Почему он, Достоевский, впал в эстетизм? Почему он не сказал сразу: честь? Да оттого, верно, что она была девальвирована у дворянского сословия! То же – совесть? Он здесь отходит к чистым, вечным, народным – неэстетным истокам: красота... Глубоко черпнул!

Вот и задача нам, литераторам: писать о совести и чести – как о красоте. Вот как я понимаю вашу формулу! (А что делает, к примеру, М. Л. – лай, визг, свара... И все – с корыстью!) Вот мое имя напечатано! Запомните – я фигура. Ох, нет в этом разума! Сказали б как-нибудь главному? Впрочем, видать, все посложнее... Как нужен мир нашему дому!

P. S.-2. Перечитал письмецо – вижу: не прав я в том месте, где говорю – «Может случиться»... То есть, что критики «САМ» («САМого».

– Н. В.) заметят, что переводчики почтят вниманием. Нет! Ведь такие случайности – чаще для вещей недолговечных! А «САМ» – вещь долговечная, оригинальная, серьезная. Ее писал художник-философ, исполненный новейшего и взрывчатого социального опыта.

[...]

Стало быть, может случиться другое, что часто и случается с подобными серьезными вещами, над которыми ровно и гармонично пролит двуединый свет и философа, и художника – надо будет подождать; а там, неизбежно, роман будет оценен по достоинству! Он по зубам только времени (оно теперь умнеет не днями – часами), даже реклама, взявшись здесь за дело, ломает свои красивые вставные зубы, а дело не сделает! Так мне это представляется...

Еще раз местами пробежал диалоги Курнопа и ББГ. У последнего

Пролетарская прямота способствовала открытому отторжению «эталонов», внедренных сталинской идеологией в литературную практику

мысли во многом совпадают с Великим инквизитором! Нет, не заимствования, не реминисценции. Увы, тут обман и вечная коллизия между «вождями» – и народом! Говорится – «демократия», а, видать, без доли насилия, на худой конец, лжи, не обходится! Ахиллесова пята, видать, любой власти. Счастье – через обман и насилие, и нет, мол, альтернативы! Ведь «Великий инквизитор» – роман в романе Д-го! Он видел дальше нас, но мы пережили больше, чем он предвидел, – хорошо поняли его!

Так и мечется мир между «осчастливленным человечеством» за счет обмана и насилия инквизиторов – и «детской слезинкой»...

Одним словом, уверен, «САМ» («САМого». – Н. В.) будут читать и поколения читателей после нас; там есть ответы на вопросы, которые и им будут скрести душу!

Валентин Сорокин – наш земляк, живущий и работающий в Москве, друг и единомышленник автора

На фоне современной литературы (70? 80? 90?) – вы со своим романом стоите прочно, серьезно, а временная одиночество – возможно, тут самая надежная сторона позиции! А. К. Л. ».

На хорошей волне

В книге Валентина Сорокина «Отстаньте от нас» есть глава: «Зезий целует Зезию». В ней дана моя судьба, причастная судьбам литераторов Ура-

ла и России, и осознается роман-фантазия «Похитители солнца». Благодарной собирательностью отличаются заметы, картины, размышления Валентина Сорокина о времени, отодвинутом от нашего на полвека: «В начале 50-х годов в нашем Уральском краю писательская жизнь шла на хорошей волне: в Челябинске – Людмила Татьяничева, Николай Глебов, в Свердловске – Павел Бажов, Ольга Маркова, Виктор Старилов, в Перми – Василий Каменский. В столице нашу землю достойно представляли Степан Щипачев, Сергей Васильев, Михаил Львов. Чуть позже не только у нас, но и в Москве заговорили о Викторе Астафьеве, Николае Воронове, Станиславе Мелешине. С возникновением свердловских журналов «Урал» и «Уральский следопыт» взошло, крупно утвердилось имя прозаика Ивана Акулова.

Челябинский же альманах «Южный Урал» не читался и не покупался, его отменила «Уральская новь». Нежданно-негаданно этот альманах стал модным, стал быстро расходиться. Новое название, новая обложка, новый формат освежительно сказались. Но куда освежительнее сказались приток писательских дарований. То их вещи блокировала кучка «самиздатцев» (Александр Шмаков, Марк Гроссман, Виктор Вохминцев. – Н. В.), прибравших к рукам и местное отделение Союза писателей, а тут вдруг был дан освободительный ход каскаду неизвестных поэтов и прозаиков.

Авторское освобождение мог обеспечить лишь решительный человек, сам испытавший местную блокаду, местную мафиозную железобетонность. Таким человеком оказался Николай Воронов, недавний выпускник Литературного института, принятый в Союз писателей после издания в Свердловске сборника рассказов «Весенней порой» (и после III Всесоюзного совещания молодых писателей, подкрепленного рекомендациями Бориса Бедного, Валентина Катаева, Павла Нилина. – Н. В.).

Николай Воронов – магнитогорец, коренной уралец. Из настоящей трудовой семьи. Рано хлебнул лиха. Рано понял как справедливость, так и вероломство бытия. Рано взвалил на себя заботу о хлебе и доме. Устрашить нищетой его сложно, запугать работой нельзя. Первые книги Николая Воронова несли в себе правду, на которую редко кто отваживался. Честная пролетарская прямота способствовала открытому отторжению «эталонов», внедренных

сталинской идеологией в литературную практику.

Гражданская наступательность

Опираясь на доброе расположение к нам, очень в те времена юным, старших товарищей-наставников Людмилы Татьяничевой, Николая Глебова, Николая Смелянского, Якова Вохменцева, Николай Воронов возбудил к более энергичной и жесткой заботе о себе и своем призвании целое поколение челябинцев, да и не только челябинцев.

[...] Николай Воронов возвратился на Урал после окончания Литературного института имени М. А. Горького, возглавил в Магнитогорске известное литобъединение, у истоков которого стояли Людмила Татьяничева и Борис Ручьев. При Николае Воронове литературное объединение отличалось гражданской наступательностью, умной независимостью и слаженностью, ныне, к сожалению, утраченной.

Многое ли меняется в человеке с возрастом, с пережитым? Да и нет. Меняются надежды и отчаяния, смелость и обида, доверие и подозрительность... Огромный смысл движения по жизни. По ее селам, городам, цехам, шахтам, музеям, институтам, войнам, странам, народам. Поднимался до порывов, полных бесстрашия, скорбел от ударов всевластия, тупой скудости, беспощадного лукавства. Но незыблемо призвание твое – Гоби твое. Барханы. Миражи. Призвание твое – край твой, где все движения души твоей слышимы, воплотимы, существенны, за тобой трепещущи и текуще-осязаемы, как небесный туман детства, как надежда юности и ее взалелеб трагическая прекрасная истина и самоуверенность создателя!

Пришел я, давно, лет тридцать назад, к Николаю Воронову в Челябинске, принес неуклюжие стихи. Что в них было? Честность и капля оппозиционной гордыни: уж мы-то, работяги, знаем цену куску хлеба и цену хрущевским речам, заполонившим страницы всех газет Советского Союза, аж опубликоваться невозможно, так они часты, потопительны, длинны, знаем цену и прошлому, откуда явились искалеченные Борис Ручьев и Михаил Люгарин, знаем... Потому и шел я к Николаю Воронову с чувством готовности к ссоре, к отпору: я привык защищать себя от обвинений в «политической» безграмотности и прочей чепухе, кое-кто недавно лишь потерял возможность «уличить» меня в этом.

Встретил мои «крамольные» стихи Николай Воронов громко, уважительно, с пожеланием быть еще решительнее и смелее. Вспоминаю факт не для себялюбства, а для благодарности. За много лет, так незаметно пролетевших, Николай Воронов изменился: стал сдержаннее, горше, замкнутее и, заключим, – старее, да, старее, и никто не вылечит, никто не спасет от такого узаконенного права «свыше», никто. Но в доме Николая Воронова и ныне – люди призвания, старающиеся делать добро. И творчество писателя углубилось философски, утяжелело слово, настрадалась душа, насмотрелись глаза на высокое и отвратительное

Продолжение следует

> Вот и задача нам, литераторам: писать о совести и чести – как о красоте. Александр ЛИВАНОВ